

МИФ РОССИИ В «РАЗГОВОРАХ МЕРТВЫХ» М. Н. МУРАВЬЕВА

© Алексей Пашкуров

THE MYTH OF RUSSIA IN "DIALOGUES OF THE DEAD" BY MIKHAIL MURAVIEV

Aleksey Pashkurov

This article focuses on the processes of development and change in the philosophical and rhetorical genre of "Dialogues..." in Russian literature of the last quarter of the 18th century. A given phenomenon goes back as far as the heritage of ancient thinkers; for instance, "Parallel Lives" by Plutarch was relevant to Russian writers of the years 1700-1800. Initially, under new conditions, the national writers were mostly interested in this genre by reason of the general problems of knowledge distribution as a metaphysical beginning of existence (A. Belobotsky, V. Tatitshev). By the last quarter of the 18th century, a key aspect of consideration had been shifted to the issues of a new personal education and the state and moral doctrine of Russia. Mikhail Muraviev (1757 - 1807) was a famous Russian literary man and enlightener, the founder of sentimentalism and pre-romanticism in national literary culture, a philosopher and historian. In the years 1780-1790, on a personal invitation of Empress Catherine the Second, he taught moral philosophy and history to her grandchildren – tsesareviches Alexander and Constantine. It was the period when "Dialogues of the Dead" were contemplated as part of the writer's teaching activities. M. Muraviev's central goal was to show two key ideas: the development of Russia in Modern Period and the development of a new educated person.

Using a well-known allusion technique, the writer chose symbolic figures of the world history and culture, transferred two contrasting characters to one period of time and turned them into interlocutors, holding a discussion. Moreover, Russian public figures of different epochs could meet both the leaders of the world historical and cultural process and each other. So far, "Dialogues of the Dead" by M. Muraviev have been studied fragmentarily in scientific research. The researchers' attention has been focused mainly on the range of sources used by the writer, as well as on some language features, style and general moral ideas of the outstanding Russian enlightener. According to our hypothesis, the original "myth of Russia" is in the centre of this work. The distinguishing features of this phenomenon are: firstly, the synthesis of various spheres of socio-cultural life, from policy to literary culture; secondly, a clear correlation of "the state glory" phenomenon with conceptions of the internal moral creed both of the ruler of the state and every man in the country.

Keywords: myth of Russia, M. Muraviev, enlightenment ideology of the 18th century, "Dialogues of the Dead", issues of the human personality moral creed in Modern Period

В центре внимания настоящей статьи – процессы развития и изменений философско-риторического жанра «Разговоров...» в русской литературе последней четверти XVIII века. Данное явление восходит еще к наследию античных мыслителей: в частности, актуальными для писателей России 1700–1800-х годов были «Параллельные жизнеописания» Плутарха. Первоначально в новых условиях отечественных писателей наиболее интересовали в жанре общие проблемы распространения знания как метафизического начала бытия (А. Белоботский, В. Татищев). К последней четверти XVIII столетия ключевой аспект рассмотрения перемещается на вопросы нового воспитания личности, а также государственной и нравственной доктрины России. Михаил Муравьев (1757–1807) – известный русский литератор и просветитель, основатель сентиментализма и предромантизма в отечественной литературной культуре, философ и историк. В 1780–1790-е годы по личному приглашению императрицы Екатерины Второй он преподавал нравственную философию, историю и словесность ее внукам, цесаревичам Александру и Константину. «Разговоры мертвых» и были замыслены в этот период, в контексте педагогической деятельности писателя. Центральная установка М. Н. Муравьева – представить во взаимодействии две ключевые идеи: становления России Нового времени, становления личности нового просвещенного человека. Используя известный прием аллюзии, писатель выбирает знаковые фигуры мировой истории и культуры, переносит двух каких-либо контрастных героев в одно время и превращает их в дискути-

рующих собеседников. Деятели России разных эпох могут при этом встретиться как с лидерами мирового историко-культурного процесса, так и между собой. На данный момент «Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева все еще рассмотрены в науке фрагментарно. Внимание исследователей сосредоточено главным образом на круге использованных писателем источников, а также на некоторых чертах языка, стиля и общенравственных идей выдающегося просветителя России. Согласно нашей гипотезе, в центре произведения – оригинальный «миф России». Приметами этого явления выступают, во-первых, синтез различных сфер социокультурной жизни, от политики до литературной культуры, и, во-вторых, четкое соотнесение феномена «государственной славы» с представлениями о внутреннем нравственном кредо как правителя государства, так и каждого человека в стране.

Ключевые слова: миф России, М. Н. Муравьев, просветительская идеология XVIII века, «Разговоры мертвых», вопросы нравственного кредо личности человека Нового времени

Для цитирования: Пашкуров А. Миф России в «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 170–175. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-170-175

Известный античный философско-риторический жанр «Разговоров...» пережил в России XVIII в. примечательную и необычную эволюцию¹.

В ситуации начального порубежья главенствовала близкая барокко метафизичность (характерный пример – «Краткая беседа Милости с Истиною» А. Белобоккого, 1712), достаточно осторожно «дрейфовавшая» в направлении к прикладным задачам молодой литературной культуры. В последнем случае одно из характерных произведений представлено в философско-публицистическом наследии В. Татищева – «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» (опубликовано впервые в 1787 г.)².

В период первой волны расцвета русского классицизма процессы генезиса и эволюции жанра дали такое представительное ответвление, как полупереводной философский роман (самое известное тому подтверждение – «Разговоры о множестве миров» А. Д. Кантемира, 1730).

К концу столетия и на кризисном переходе в 1800-е гг. на один из первых планов выступила гротескно-преображенная политика (определенную популярность приобрели ходившие в списках разговоры Суворова с Павлом Первым, в которых великий, недавно отошедший в Вечность полководец сочувствовал последнему императору России XVIII в. в связи с его насильственной смертью).

«Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева – кульминация просветительской аксиологии жанра, прежде всего важно помнить, что произведение это входит в корпус педагогических трудов писателя времен его учительствования у великих князей цесаревичей Александра и Константина (1785–1796). Любопытно представлен здесь синтез тех дисциплин, которые Муравьев преподавал: история, нравственная философия и словесность. Постепенно, как справедливо отметила в свое время И. Ю. Фоменко, у Муравьева из мозаики научных и документально-художественных опытов рождается осознание необходимости «философского осмысления исторического прошлого России», что является одной из «тех ранних попыток написания беллетризованного курса русской истории, которые непосредственно предшествовали „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» [7, с. 169].

В целом ведущим направлением выступает надвременная нравственная аксиология, в связи с чем и большинство «главок» сопровождаются специальными вводными афоризмами (по интересной гипотезе Вл. Н. Топорова, эти «эпиграфы» следует читать не только и не просто по отдельности, но и в итоге как единый системный текст нравоучения: [1, с. 751–753]). Вместе с тем и исторический план далеко не второстепенен и направлен на столь актуальные для нашей страны во многие эпохи вопросы нравственно-патриотического и гражданственно-личностного воспитания. И. Ю. Фоменко в диалоге с концепциями Г. А. Гуковского и Ю. М. Лотмана выявляет такой «общий знаменатель» проблемы: «русская историография последовательно применяла просветительские концепции при рассмотрении хода русской истории», но при этом «идеологические процессы, отражающие определенный кризис методологии просвещения, имели <...> положительный смысл». Итогом

¹ Первые образцы этого жанрового феномена пришли еще в древнерусскую словесность – через Византию, в предшествующие периоды мировой культуры одна из знаковых тенденций – «Параллельные жизнеописания» Плутарха, построенные по принципу «серийности парных биографий» (см. подр.: [1, с. 753]).

² Об историко-литературном и историко-философском контекстах типологии становления «Разговоров...» см., к примеру, такие исследования: [2], [3], [4], [5], [6].

стало для отечественных мыслителей понимание «Сложности» как главного критерия оценки протекающих процессов [7, с. 172].

Прежде чем мы попробуем выявить локальные конкретные идеи «мифа России» в «Разговорах Мертвых» – несколько существенных общеконпозиционных замечаний.

Во-первых, общая логика последовательно-сти частей демонстрирует классическую просветительскую идею о том, что вначале необходимо преобразовать мир политики, а в заключение прийти к словесности, которая выступит проводником нравственности в мир (выше мы как раз отметили общий сквозной диалог Муравьева-просветителя с магистральными линиями мирового Просвещения). Символично в этой связи, что открывает «Разговоры мертвых» беседа князя Кия и Ромула – двух основателей двух великих городов-миров. Финальный аккорд – «встреча» в инобытии двух писателей-просветителей, воплощающих встречу-диалог двух далеких эпох – античности и современной Муравьеву России XVIII в. Здесь перед читателями предстают Гораций и Антиох Кантемир.

Во-вторых, внутри каждого «разговора» возможны у писателя различные варианты соотношения героев. Персонажи могут выступать как не знающими друг о друге прежде оппонентами (беседа Кия с Ромулом), так и преемниками в деле Просвещения (князь Кантемир переводил Горация – с ним и дискутирует). Наконец, возможен и вариант прямой родовой преемственности: Святослав и Ярополк – отец и сын.

В-третьих, если внешнее «кольцо» в «Разговорах мертвых» Муравьева образуют диалоги «ушедших великих», представляющих общие вопросы Бытия, которые лишь опосредованно переходят к философии истории России, то в сердцевине располагаются как раз те «мини-диспуты», что связаны с историей новейшего Отечества напрямую. Эскизно обратясь в свое время к контексту философских настроений М. Н. Муравьева времени написания «Разговоров мертвых», И. Ю. Фоменко выявила «перекрестье» в восприятии писателем двух ведущих учений: Руссо – с одной стороны, Вико-Гердера – с другой. Следствием же внимательного «диалога» с европейской историософской мыслью стало для Муравьева важнейшее убеждение в том, что «Россия могла быть рассмотрена как страна, быстро и бурно развивающаяся, готовая рано или поздно не просто догнать, а превзойти развитые европейские страны» [Там же, с. 174–175].

Рассмотрим главные моменты.

1. В беседе Кия с Ромулом основателю Киевской Руси не без труда, но удастся убедить первого римлянина в том, что сила и гордость власти без просвещения и чистоты души – очень малые гаранты «вселенской славы». Лидирующие числом афоризмы, безусловно, за киевским князем: «*вливать в раждающийся народ <...> глубокое чувство славы*», «*без дерзости шествовать наравне с минувшею славою...*» [8, с. 299–300]. Однако в конце и сам «перевоспитанный» Ромул признает приоритет просветительской аксиологии в Истории и право России проводить свою новую и более мудрую и справедливую политику: «*<...> слава, вместе с просвещением, обтекает весь земный шар*» [Там же, с. 301]. А. Д. Ивинский интересно соотносит подобного профиля идеи с общими задачами монархического «культурного проекта» Екатерины Второй, в основе какового – мысль «„внешнего воздействия“ на человека, погрязшего в заблуждениях и пороках» [9, с. 226].

2. Беседу Гостомысла и Ярослава, представляющих Новгородскую и Киевскую линии истории Отечества, открывает показательный историософский афоризм, гласящий, что истинная Вольность непременно опирается на «*законы, справедливые и благоразумные*» [8, с. 302]. С первых строк здесь ключевые акценты смещаются от вопросов общего «народоправления» к размышлениям о внутреннем кредо российского Правителя. Гостомысл, готовясь упрекнуть Ярослава Первого в тирании и посягательстве на вольность новгородцев, практически сразу признает в оппоненте глубокие внутренние достоинства: «*Мудрость его равнялась с трудолюбием*» [Там же]. Последовательно разбирая историю России тех времен, беседующие правители сравнивают две модели – Единовластие и «безначалие», самым опасным спутником последнего признавая корысть и усобицы: «*Каждой хотел быть счастлив один и со вредом других*» [Там же, с. 304], причем эти слова принадлежат не автору знаменитой «Русской Правды», а именно защитнику новгородской вольности Гостомыслу! Он же и подводит итог беседе: самое главное – творение дел, «*распространивших сияние России*» [Там же]. Обратим внимание: все явственней набирает силу закон аллюзии, потому и государство именуется не «Русью», а уже в духе державных тенденций XVIII в.

3. Третий завет истории, к славе России – искусство перенимать опыт у соседей и союзников. Об этом дискутируют Рюрик и Олег. В прологе «уроке» Муравьев сразу исподволь отмечает приоритетное значение в этом процессе «простоты» и «мирности», лишь на смену которым

должна приходить определенная «воинственность». Это – залог того, что сношения «с народом, в котором науки процветали», принесет «ответное просвещение» и россиянам [Там же, с. 306]. Главное кредо князя Олега – надежда «возвести народ <...> на вышшую степень величия» [Там же, с. 308]. Завершает герой летописей красиво и утопично: «Россия займет когда-нибудь сияние древней Греции» [Там же]. Однако последнее слово остается за древним основателем династии первых властителей Отечества. Рурик, вопреки своей реальной исторической роли, выступает ревностным единомышленником писателя-просветителя XVIII в. – и пророчески предупреждает, что если Россия «остановит успехи просвещения», то может «надолго закоснеть в невежестве» [Там же, с. 309].

4. От общих вопросов просвещения разговор в «Разговорах мертвых» логично и ценностно переходит к проблеме внутреннего достоинства – и правителя России, и каждого человека в стране. Представить идею высшего человеколюбия Муравьев доверил супружескому «дуэту» Игоря и Ольги. Первая российская христианка наставляет своего неразумного супруга, продолжающего и в царстве теней наслаждаться кровавыми идеями мщенья, в том, что «ложное умствование может быть причиною злых деяний», а добродетель и жестокость, если мы «перенаправим назад» известный афоризм Александра Пушкина из XIX столетия, – «две вещи несовместные» [Там же, с. 310–311]. Как от беседы с Кием гордый Ромул, тут погружается в «справедливое смущение» заблуждающийся язычник, искренно скорбя о том, что не может вернуться «на свет дневной» и через века остановить своего жаждущего браней заблудшего наследника – Святослава.

5. Святая княгиня Ольга в конце беседы с супругом-Игорем не могла не вспомнить их «спасительного внука», князя Владимира Первого – и вот он выходит на страницы «Разговоров...» сам, да еще и в собеседовании с самим Карлом Великим! Интересно, что здесь соотношения в паре «Учитель – Ученик», в сравнении с прологовой беседой Ромула и Кия, зеркально меняются: теперь в роли мудрого наставника выступает герой мировой истории, а креститель Руси предстает как благодарный ученик. Карл выносит на обсуждение цельный нравственный казус:

а) добродетель творящих Историю проверяется в диалоге Настоящего и Будущего, над которыми эта История потом и поднимается. Если современники нередко смотрят на великих вершителей со Страхом, а на предстоящих спасите-

лей с Надеждой, то одни только последующие «беспристрастные поколения <...> превозносят наши добродетели» [Там же, с. 313];

б) необходимо посвятить «спокойствие своей жизни благополучию вселенной» [Там же, с. 314];

в) непреложно отдавать «почтение не сану, но заслугам» [Там же].

Святой Владимир, напившись мудрыми наблюдениями предшественника, завершает беседу – славой будущей для себя России, главными для которой становятся и станут гармония диалога с другими культурами и их славой: «Россия вступила на приличную ей степень; и множество великих имен, которые в течение веков присоединились к нашим, не уменьшают их сияния» [Там же, с. 316].

6. Что же движет благородной логикой Истории? На этот вопрос Муравьев-просветитель стремится найти ответ в утопичном разговоре Святослава Первого и Карла XII. Наследуя лучшие государственные заветы премудрого Феофана (Ф. Прокоповича) в его трагедокомедии «Владимир», Михаил Никитич Муравьев «склоняет» надменного вождя шведов еще в начале беседы с древнерусским князем признать не просто величие, но и победу России и смиренно склонить голову перед победами своего победителя – Петра Великого. Но главное – не в этом, а в размышлениях героев о внутреннем кредо правителя, стремящегося улучшить мир: государь должен составить «блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума» [Там же, с. 321].

7. Наконец, к смысловой сердцевине своего труда не может писатель-просветитель XVIII в. не перейти и в родной ему мир словесности. Роль открывающего диспут с заслуженным уважением «вручена» летописателю Нестору, собеседником которого оказывается Ярослав Мудрый. Примечательно, что это уже второй его «выход на сцену». Итак, как же связаны История и Словесность на пространстве Истории Отечества?

А) «<...> жить в истории <...> как любитель учения и писмен» [Там же, с. 325];

Б) «<...> звание деесписателя <...> предписывает истину» [Там же, с. 326];

В) «<...> мирной правитель государства <...> желал украсить его искусствами...» [Там же, с. 327];

Г) творения писателей «единственно тогда становятся предметом народного внимания, когда внутреннее спокойствие Государства утверждено на основании законов и трудолюбие распространило в обществе приятное изобилие» [Там же, с. 328].

К этим сентенциям мудрого Нестора Ярослав Мудрый добавляет лишь одно – надежду на то, что только нравственность успокоит уходящего вершителя судеб России *«на одре смерти, в сии торжественные мгновения разлуки»* [Там же].

Юрий (Георгий) Долгорукий, Андрей Боголюбский, Александр Невский... – еще целые пласты-плеяды правителей в истории России пройдет в изображении Муравьев, философ истории, – и вновь вернется к вопросам нравственности в историческом процессе. В завершение цикла «Разговоров...» писатель стремится восстановить в правах знаковую триаду древнерусской литературной культуры: История – Вера в Бога – Словесность. Потому и открывает эту финальную часть «встреча» зачинателя российской литературы XVIII в. архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича с патриархом-реформатором Никоном. Никон, вспоминая перед своим преемником испытания, выпавшие на время его церковного правления, высказывает удивительно созвучную самому Муравьеву мысль о добродетельном уединении: *«Спокойствие духа моего было порукою моей невинности»* [Там же, с. 375]. Феофан еще увереннее «составляет» итоговый нравственный гимн искусству слова как главному этическому «стержню» истории России – когда и правитель, и весь народ всем становятся обязаны *«успехам Просвещения, кроткой силе слова»* [Там же, с. 376]. Потому и самый почетный титул Петра Великого – *«Отец Отечества»* [Там же, с. 377]³.

Гораций и Кантемир в своей беседе «поднимаются» на более высокую ступень – готовясь завершить всю картину «Разговоров мертвых», они начинают размышлять об общих законах истории⁴.

³ Е. В. Кунц в недавней фундаментальной монографии, посвященной изучению становления Михаила Муравьева-просветителя, предлагает рассматривать заложенную писателем традицию как исток достаточно обширного руслу трактатов, интенсивно появляющихся в России на рубеже перехода XVIII–XIX столетий, и, в частности, приводит полный текст одной из таких работ: «Слово о том, что мудрый и справедливый Государь сам никогда не судит дел своих подданных...» (1802) Христиана Шлёцера [10, с. 274–291].

⁴ Глубоко примечательно, что и исследователи – интерпретаторы муравьевского наследия, от 1980-х вплоть до современных 2020-х гг., стремились и стремятся найти общую универсальную формулу нового исторического мышления писателя. Так, И. Ю. Фоменко подытоживает: «<...> рассмотрение его (Муравьева. – А. П.) работ расширяет и уточняет наши представления об особенностях и закономерностях формирования в России системы взглядов, име-

Уже легендарному римскому поэту ведомо, что *«вкус прекрасного и любовь к мудрости <...> составляют отличие просвещенного народа»* [8, с. 379]. В лучших традициях закона аллюзии, римлянин превозносит... своего преемника и переводчика в России XVIII века!.. Князь Антиох Кантемир, произнеся ответный «тост» учителю-предтече, вскоре сам обращается в мэтра, благословляющего потомков: прославляет последующие открытия Ломоносова и Сумарокова. Логично, что именно Российскому Писателю передана честь завершить и всю картину концепции Муравьева. По мысли Кантемира, Историей движут две главенствующие силы: твердость духа и устремление к победе – с одной стороны, и союз просвещения с добродетелями – с другой. Приведем последние строки полностью: *«Россиянин умеет побеждать и воспевать свои победы. Письмена воспитывают <...> и обещают народу просвещение, добродетели и щастие»* [Там же, с. 381].

Список источников

1. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Том 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
2. Буранок О. М. Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М.: ФЛИНТА, 2005. 464 с.
3. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе и человеке. М.: Наука, 1977. 294 с.
4. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
5. Россия и Запад: Горизонты взаимопонимания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Вып. 1. М.: ИМЛИ, 2000. 496 с.
6. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских литератур, 2006. 896 с.
7. Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. Л.: Наука, 1981. С. 167–184.
8. Муравьев М. Н. Разговоры мертвых // М. Н. Муравьев Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1819. С. 299–381.

ваемой историзмом» [7, с. 184]. А. Д. Ивинский берет в аналитическое рассмотрение еще более обширную панораму открытий М. Н. Муравьева в литературной культуре в соотносительной связи с его историософией: от известной «екатерининской» триады «Православие – Самодержавие – Народность» до вопросов о статусе литературного языка [9].

9. Ивинский А. Д. Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины Второй. М.: Водолей, 2023. 400 с.

10. Кунц Е. В. М. Н. Муравьев: Реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. 328 с.

References

1. Toporov, V. N. (2001). *Iz istorii russkoi literatury. Tom 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikatsii*. M. N. Murav'ev: *Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature. Vol. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Research, Materials, Publications. M. N. Muraviev: Introduction to Creative Heritage]. Kniga 1. 912 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

2. Buranok, O. M. (2005). *Russkaya literatura XVIII veka. Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th Century. Peter's Epoch. Feofan Prokopovich]. 464 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

3. Demin, A. S. (1977). *Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: Novye hudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode i cheloveke* [Russian Literature of the Second Half of the 17th–early 18th Centuries: New Artistic Conceptions of the World, Nature and Man]. 294 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. 205 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

5. *Rossiia i Zapad: Gorizonty vzaimoponimaniya. Literaturnye istochniki pervoi chetverti XVIII veka* (2000) [Russia and West: Horizons of Mutual Understanding. Literary Sources of the First Quarter of the 18th Century]. Vyp.1. 496 p. Moscow, IMLI. (In Russian)

6. Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Period]. 896 p. Moscow, Yazyki slavyanskikh literatur. (In Russian)

7. Fomenko, I. Yu. (1981). *Istoricheskie vzglyady M. N. Murav'eva* [M. N. Muraviev's Historical Views]. XVIII vek. Sb.13, pp. 167–184. Leningrad, Nauka. (In Russian)

8. Murav'ev, M. N. (1819). *Razgovory mertvykh* [Dialogues of the Dead]. M. N. Murav'ev. Poln.sobr.soch. [Complete Works]. T. 1, pp. 299–381. St. Petersburg. (In Russian)

9. Ivinskii, A. D. (2023). *Russkaya literatura XVIII veka i kul'turnyi proekt Ekateriny Vtoroi* [Russian Literature of the 18th Century and a Cultural Project of Catherine the Second]. 400 p. Moscow, Vodolei. (In Russian)

10. Kunts, E. V. (2018). *M. N. Murav'ev: Reformator, popechitel', nastavnik, poiet* [M. N. Muraviev: A Reformer, Trustee, Tutor, Poet]. 328 p. Moscow, Novyi khronograf. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2024

Поступила в редакцию 12.05.2024

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
anp.72@mail.ru

Pashkurov Aleksey Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
anp.72@mail.ru